

A stylized illustration of a city with orange buildings and a black banner. The banner contains the author's name and the title of the book.

Валерий Лопов
ЛЮБОВЬ
ЭПОХИ
КОВИДА

ЛИМБУС ПРЕСС

Валерий Георгиевич Попов

Любовь эпохи ковида

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67317878

Валерий Попов. Любовь эпохи ковида: Лимбус Пресс, ООО

«Издательство К. Тублина»; СПб; 2022

ISBN 978-5-8370-0889-4

Аннотация

Новая книга известного петербургского писателя Валерия Попова, лауреата премии «Большая книга», состоит из двух повестей, объединенных фигурой лирического героя. В первой повести автор погружает читателя в недавнее прошлое, вспоминая судьбу своих двоюродных братьев, с которыми, помимо уз родства, его на всю жизнь связали узы беззаветной дружбы. Персонажи второй повести, напротив, остро переживают тему сегодняшнего дня, страхи и надежды, вызванные обстоятельствами эпидемии. Ироническая интонация автора чужда пафоса, шаржированные житейские обстоятельства насколько же драматичны, настолько и комичны. Рассказчик позволяет себе от души посмеяться над собой с высоты прожитых лет, одаривших его мудростью, которая – увы – всегда соседствует с печалью.

Содержание

Незабываемое	5
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Валерий Попов

Любовь эпохи ковида

© Валерий Попов, 2021

© ООО «Издательство К. Тублина», 2021

© А. Веселов, обложка, 2021

vk.com/Limbus

www.limbuspress.ru

Незабываемое

Стоит мне куда-то поехать (или даже никуда не ехать), как сразу же – начинается!

Вступление

Жара несусветная, а я на солнцепеке. Иду быстрее и вдруг замечаю: в тени моей – маленькая птичка и не желает ее покидать. Я останавливаюсь – и она! Пошел – и она запрыгала. Нашла место спасения, в моей тени. Куда ж мне ее довести, какой другой тени передать? Я скоро исчезну. Озираюсь... Нет никого. Ну что же, доведу ее до берега с ивами и иванчаем, и лилиями в воде. Писатель – это тот, под кем земля цветет.

МОСКОВСКИЙ СТИЛЬ

Мы не можем удлинить жизнь, сдвинув ее конец. Но можем намного «вытянуть» ее к началу, сдвигая его, восстанавливая в памяти. Для этого я и приехал в Москву. Москва – второй мой город, не главный (жизнь прошла в Питере), но сколько же всего произошло здесь, сколько связано с Моск-

вой. Вернуть!

Первый раз я вышел на площадь трех вокзалов в январе 1946 года. Мы ехали из Казани в Ленинград – к счастью, через Москву. Огромный и весь разукрашенный Казанский вокзал поразил меня. Он был ярче и величественнее всего, что я видел до этого, включая саму Казань. В Казани мы ехали на вокзал в кузове грузовика по узким, наклонным, заснеженным улицам с низкими домами. Провожали нас неуклюжие, закутанные тетки (ближайшие наши казанские родственницы). А здесь нас встретил высокий красивый мужчина в кожаном пальто (шофер деда, Василия Петровича), и целая шеренга носильщиков в форменных робах. Они погрузили наш скарб на красивые тележки и, с тихим стрекотанием колес, покатали. Мы вышли на площадь, и я снова загляделся, открыв рот: еще один удивительный вокзал был напротив. Мама подтолкнула меня вперед: «Иди. Нас встречают!» Мы подошли к длинной черной машине у тротуара (это был ЗИС, самая большая и шикарная машина тех лет), и из нее вылез важный, в золотом (так мне показалось) пенсне и с красивым седым ежиком академик Василий Петрович Мосолов, вице-президент Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, мой дед.

– Ну здравствуй, Алевтина! – Он обнял мою маму, свою дочь. Потом вдруг расцеловался с нашей бабушкой, Александрой Иринарховной. – Ну здравствуй, Александра!

Я почувствовал тут некоторую неловкость, какую-то

странность происходящего. Наша любимая, простая, веселая бабушка – и этот величественный старец. Не укладывалось в голове, что когда-то они были мужем и женой, жили вместе, вырастили двух дочерей. В Москве (как я понял из туманных маминых намеков) у Василия Петровича была новая, соответствующая его высокому положению семья (наше знакомство с ней, видимо, не предполагалось). Он строго, без улыбки, поздоровался за руку с Георгием (нашим папой) и лишь потом повернулся к нам, трем детям – ко мне и двум моим сестрам. Особенно долго он смотрел на меня – своего единственного на тот момент внука. Я, помню, от волнения снял шапку, от головы пошел пар, и дед улыбнулся. Первый и, к сожалению, последний наш близкий контакт.

– Да! – Академик повернулся к нашей маме. – Вы прямо как снег на голову!

«Снег как раз на голову падает! – отметил я, замечая и переживая всё уже тогда. Пауза походила на прощальную. – Сейчас уедет! – подумал с отчаянием, и почему-то еще: – Пусть голова мерзнет, раз так!»

– Ну, что стоишь? Простудишься. Залезай! – вдруг сказал мне дед, и шофер в кожаном пальто отпахнул дверку.

И я, замерев от восторга, полез в роскошное алое бархатное нутро, показавшееся мне огромным. Облюбовав интересный маленький стульчик, который выдвигался из спинки переднего сиденья, я устроился на нем, абсолютно счастливый. После некоторой заминки в машину села бабушка и

сестры – Эля и Оля. Родители поехали на второй машине. Сначала за окнами пролетали узкие улочки, невысокие дома. Потом пошли сплошной стеной огромные, украшенные каменными узорами здания: мы выехали на улицу Горького – главную улицу Москвы. Какая ширь, красота, высота! Восторженность моя была оценена: дед обернулся с переднего сиденья, и тень благосклонной улыбки появилась на его массивном, почти бронзовом лице. Первая улыбка Москвы! 1946 год.

Помню зеркальные стены, огромные люстры, лепные потолки. То был Елисейевский – лучший гастроном Москвы. Особо поражали витрины – съедобная красота! И вот в руках у меня, а потом у старшей моей сестры Эли оказались огромные, изогнутые по краям коробки конфет с яркой картинкой: Руслан на белом коне везет перед собой нежную Людмилу, а поверженный Черномор, пристегнутый сзади к седлу, злобно надулся. Коробки эти стали чуть ли не главным украшением скудной послевоенной жизни, и когда я видел их потом в магазинах, неизменно восхищался... но в Москве я держал эти конфеты в своих руках впервые! Такая же коробка оказалась и у Оли, младшей сестры, курносой, большеглазой, не похожей на нас, старших. Она обрадовалась, и тут же вдруг разревелась: хватая коробку, упустила розовый шарик, купленный ей мамой при входе в гастроном, и теперь шарик словно прилип к выпуклому плафону на потолке, изображающему

гроздь фруктов. Деда в Елисейском я почему-то не вижу, но ощущаю его власть. Кто нам вручил эти великолепные коробки? Неужели кто-то из продавцов? А теперь вот великолепный швейцар в фуражке и в форменных брюках с лампасами (менее значимая фигура, видимо, тут не подходила), стоя на стремянке, вытянулся вверх и старательно пытается шваброй подцепить свисающую нить, как-то накрутить нить на рейку... Помню, с каким азартом я за этим следил, даже стало весело. Есть! И величественный усатый швейцар с поклоном вручает шарик маленькой девочке. Она смеется, слезинки сияют. Так нас встретила Москва.

Это тоже Москва, но другая. Мы только пересекли широкую улицу Горького и въехали в высокую арку, а улочка тут уже узкая, и домики ниже. Мы заходим в один из них. Багаж? Не запомнил. Лишь длинный коридор за обшарпанной дверью... Это что? Мы-то жили в Казани в отдельной квартире, а тут совершенно чужие люди! И только дверь в самом конце – открыта. Проходим в нее. За столом под абажуром (как я с иронией пересказывал потом Игорьку) – образцовая советская семья! Глава семейства в кителе с погонями, маленькие пронизательные глазки на длинном, с прожилками, лице, пожилая женщина (копия моего отца) и два мальчика – старший мордатый, уши не видны из-за щек, второй, наоборот, с впалыми щеками, ушастый, оживленный. Первый радостный клич – его. Потом уже хором вступает семья.

Отец объяснил нам заранее... Иван Сергеевич, муж отцовской сестры Татьяны – подполковник, причем подполковник НКВД. Но не следователь – ученый, философ, доцент кафедры марксизма-ленинизма авиационного института. Держится важно. Слегка выпив, они заводят философский спор с отцом – отец хохочет, Иван Сергеевич еще больше мрачнеет. Суров!

Вся их семья проживает в единственной комнате, вдоль стен стоят кровати, в середине под абажуром – стол. Как же тут разместиться еще и нам, шестерым, вместе с бабушкой? Но в послевоенное время такие проблемы между родственниками даже не обсуждались. Детям постеляют на полу, там они и повозятся, похохочут, подружатся – так и будет. А пока родственное застолье продолжается. У Ивана Сергеевича маленькие глазки то и дело вспыхивают яростью. Старший сын, Владлен – круглый, толстощекий, – всё время перебивает отца, бурно общается с нами, выкрикивает какие-то цитаты из прочитанных им пиратских книг, например, показывая на меня пальцем, вопит:

– Я узнал тебя! Ты Джон Перейра, торговец черным деревом!

Иван Сергеевич бросает на него гневные взгляды, но Владлен не унимается. Иван Сергеевич медленно поднимается, закрывая собой репродукцию картины Шишкина «Утро в сосновом лесу», замахивается правой рукой от левого плеча...

– Иван, прекрати! – кричит тетя Таня.

Звонящая тишина. Иван, сменив багровый цвет щек на фиолетовый, садится.

Татьяна посылает жалобный взгляд своему любимому брату Георгию (моему отцу) – мол, и вот так каждый день. Мой отец, тяжело вздохнув, кладет свою ладонь на ее руку, успокоительно похлопывает. Вот уж кто похож, действительно, как две капли воды – батя и Татьяна. Южная порода – смоляные кудри, яркие темные глаза... О, а вот и третий, кто в их породу – младшенький Игорек, мой ровесник. Курчавый и ловкий, как обезьянка. Я ловлю его веселый взгляд, он лихо подмигивает и тут же подобострастно застывает, сомкнув перед собой ладони и не сводя глаз с отца. Вот! Я нашел себе друга! И как оказалось – навсегда.

– А давайте в карты сыграем! – вдруг весело предлагает бабушка, которая сперва была как бы в тени и вдруг стала главной.

Все оживляются, гремят стульями. Игорек даже потирает ладошки – видно, мастак. Но...

– Ладно, пора укладываться, – произносит Иван Сергеевич и встает.

Должно же быть последнее слово за ним. Взрослые начинают двигать мебель, стелить. Нам с Владленом и Игорьком постелено на полу – мы дурачимся, дерем подушками. Первая моя ночевка в Москве.

Солнечное утро. Солнце даже в уборной – узкой полосой, через крохотное окошко. Загляделся! Это странное помещение, похожее на башню изнутри, почему-то приводит меня в восторг. Все его стены, от пола до потолка, увешаны плоскими деревянными бубликами разных цветов. «Это же... хомуты!» – начинаю сочинять я. Однажды я видел хомуты на селекционной станции под Казанью. Правда, там они были кожаные. А здесь – почему-то деревянные и используются... как сидения для унитаза! Я хохочу – я счастлив. Сходство одного с другим восхитило меня. Никакой музей, даже самый великолепный, не приводил меня в такой же восторг, как эта «башня»: здесь творил я! И при этом словно соревновался с кем-то: еще, еще! А еще это... Не хомуты – бумеранги! Куда бы их зашвырнуть? Вся стена за моей спиной в цветных бумерангах. Сколько же здесь аборигенов живет? И на кого тут охотятся? Ликую! Как говорила бабушка: «Дураку все смешно!»

Разбираясь с этой утварью, в то же время слышу, как в гулком коридоре по телефону, висевшему у входных дверей, говорит мама.

– Так что, Дуся, все хорошо! Отец куда надо позвонил, все устроил. Можно ехать в Ленинград! Отправляй мебель. Да, как там записано – на Саперный. Целую тебя!

Я понимаю, что это важный момент моей жизни, и знаю даже то, что он запомнится... благодаря «хомутам», и что

ставить такие метки на времени – милое дело. Сидел тут не зря.

– Эй! Ты там, случайно, не заснул? – мамин веселый голос.

– Нет! – кричу я гулко.

– Тогда выходи. Только вымой руки.

Я шумлю водой, потом, лихо щелкнув щеколдой, выхожу, и мы с мамой, счастливые, идем по длинному московскому коридору. Сколько раз я еще ходил по нему – с годами менялось все, кроме этого коридора.

Последний раз я ночевал в этой квартире, уже всеми покинутой, после бурного обмывания диплома ВГИКа – Всесоюзного государственного института кинематографии – в компании самого Валентина Ивановича Ежова, руководителя диплома. И в «финал» вышли он и я – остальные слиняли, а мы всё пили. После чего я оказался здесь. Коридор качался, но я хохотал. Входную дверь я выбил – или была так? Рухнул на распоротый матрас, а утром проснулся весь в стружках из него. Хорошо отдохнул. И отметил – начало и расцвет моей творческой жизни – здесь! И стружки гордо потом носил в моих еще буйных кудрях. Прощай, коридор!

ХОЛОДНЫЕ ВИРТУОЗЫ

Ленинградом я был поражен сразу, но тосковал по

Москве. Там душевней! Семьями пересекались не раз – и было весело. Но надо же действовать и самому! В пятнадцать лет уже нужно иметь смелость для выполнения желаний. В Москву! И – без спросу! Только бабушке сказал. Та ахнула. И отлично!

– ... Не надо ждать удара, как бильярдный шар, надо ловить свои желания раньше, и оказываться уже не там, где тупо ищет тебя, ерзая взад-вперед, свиной пяточок чужого кия, который хочет тебя послать, куда надо ему. Ау! Я уже тут! – что-то такое я лопотал под ударами ветра, наполнявшего мои щеки, полощущего волосы, оказавшиеся вдруг длинными – в те годы можно было не только распахивать дверь в тамбуре на ходу, но и высовываться, свешиваться. Красота!.. Теперь, конечно, нельзя.

Площадь трех вокзалов я проскочил, словно был уже своим в Москве, быстро-быстро. Знал, что Алексеевы на даче, где я не был ни разу... Так буду! Из разговора – и то только по телефону – с общей знакомой, Милицей Николаевной, знал: через Внуково, где аэропорт, до Валуевского дворца, Дома отдыха летного состава, а от Валуевского дворца – по аллее, потом будет огро-омная такая липа, чуть в стороне – замечательная! – иди за нее, за ней – канава...

– И падать прямо в нее! И плыть? Правильно? Нет? – бодро говорил я.

– Нет! – улыбался по телефону голос Милицы Николаевны. – По мостику переходи. И – иди!

– Куда?

– Как куда? В сторону Алексеевых. Там будут еще такие огромные антенны, целое поле!

– Туда не ходить? Угадал?

– Домики увидишь... Это и есть Филимонки! Их родовое гнездо.

И сердце затрепетало. Как удивительно, когда слова превращаются в вещи. Антенны до неба, ажурные. Антенное поле! Растут, как горох, по которому можно добраться до туч.

Тропинка кривая, клонится куда-то. Вот! Отличный дом с красивой террасой. Но что-то подсказало: не наш. Почему-то свое не всегда оказывается лучшим. Сердце сжало... Вот этот наш. Без сомнения. Можно входить: голова работала.

В палисаднике у синей низкой террасы они сидели на скамейке, щурясь на солнце... И не узнавали меня! Иван, конечно, Сергеевич. В линялой майке и семейных трусах. И точно в таких же – сыны (их семейная традиция) Владлен, круглощекий, красный, словно дующий в незримую трубу, и вертлявый Игорек.

– Валерио! – первым завопил Игорек и кинулся навстречу, распахнув калитку.

– Джон Перейра, торговец живым товаром! – захохотал Владлен.

Ивану Сергееву (как звала его родня) пришлось одновре-

менно смотреть с яростью на свихнувшихся сыновей и ласково – на меня.

– Валерка – ты, что ли? Ну, как нашел? Поблудил малость? Ну правильно. Поблудил и пришел!

С тех пор «поблудил и пришел» – один из любимых слоганов нашего «клана».

– На Георгия стал похож! – сказала счастливая Татьяна Ивановна, сама похожая на мулатку.

– Батя! Что ты несешь? Что значит «поблудил»? – похотывая, внес смуту старший сынок.

– Ты? Ты еще меня будешь учить! Я высшую партийную школу закончил! Крестьянский университет! А ты – троечник! – подзатыльник.

Начало обнадеживает. Обычный, как понимаю я, быт этой семьи. Ладно, облагородим. Игорек, реагируя на происходящее (и на меня), складывает ладони и лукаво вздымает глаза к небу. Мы поняли друг друга!

И вот, как ни в чем ни бывало – чопорный семейный обед в круглой беседке.

– Спасибо, Татьяна! – довольный Иван Сергеевич откидывается в плетеном кресле. – Таковую ботвинью я только в кремлевской больнице ел!

Высший, как я понимаю, комплимент. Эту фразу можно изобразить на ленточке над картиной их семейной идиллии.

Но мы с Игорьком, «блистательные негодяи», как опреде-

лил нас Иван Сергеевич несколько позже, виртуозно исчезаем из нашей комнаты, из душного, «тупого» (выражение Игорька) послеобеденного сна. Игорек босой (деревенский вариант, как прокомментировал он), я тоже разулся, и мы стоим на перекрестке в теплой пыли – Игорек перебирает гибкими артистичными пальцами ног, задумчиво ими любуюсь. Тишина, только стрекот цикад. Момент рождения идеи.

– А айда на Пенинскую! – простонародно (деревенский вариант), восклицает он. – Пенинская – речка наша, – гордо поясняет он.

Сбегаем по каменистой тропке. Как это он – босиком по острому? Даже не замечает! Деревенский мальчонка. «С картины итальянского художника», – мысленно добавляю. Черноглазый, смуглый, кудрявый. Длинные ноги... и чуть короткая шея. Я чувствую, что запоминаю все навсегда.

И вот – награда, прохлада. Речка на самом деле, как ручей – изгибается, булькает. Большая часть ее в тени, нависают ветки ивняка. Чтобы искупаться, надо тут лечь и время от времени переворачиваться – тогда тебя омоет всего.

– Пенинская! – гордо говорит Игорек.

«Возможно, мне удастся ее оценить... когда-то!» – иронично думаю я. Но на долгое бездеятельное ожидание он не согласен – он стремителен, ловок, нетерпелив. Создала же природа такое чудо! Отгибая левой рукой торчащие над водой ветки, он приседает – в длинных семейных трусах (а других тогда не было) – и лезет правой рукой в глубину у са-

мого берега. Яму нашел – и длинная ловкая его рука (музыканта-виртуоза, как потом хвастался он) уходит все дальше в булькающую тьму... по плечо... а вот и по самое ухо. Поднимаются из глубины грязные пузыри, лопаются, распространяя гнилостный запах. Но лицо его строго, сосредоточено, словно исполняет ноктюрн!.. Но это будет позже. А здесь-то, казалось бы, что? Вытащит корягу? Теперь лишь глаза его над водой... Веки вздрагивают, и он вдруг стремительно поднимается, с него сливаются потоки грязной воды – он небрежно, не глядя, словно отбрасывая, швыряет на берег... какую-то маленькую корягу, дергающую отростками... Рак! Серо-зеленый, он шлепается на брюхо, пятится к воде. Ну нет уж! Теперь – я! Пихаю рака в хозяйственную сумку, которую мы зачем-то (понимаю теперь зачем) взяли с собой. А вот и сразу парочка – сработал обеими руками, легко – два клешнястых летят, посверкивая животами. Один падает на спину и сочно шлепает плоским изогнутым хвостом по брюшку, словно аплодируя.

– Вот так, – на секунду поднимается, раскланивается, Игорек, – работают виртуозы!

Приседает и вынимает следующего – огромного. Сжимая его с боков, заставляет дубасить воздух клешнями.

– Неистовый... Кассиус Клей! – без секунды промедления комментирует он. – Сегодня решающий бой с яичками подполковника Министерства внутренних дел... Алексева Ивана Сергеевича!

Я цепенею.

– Аплодисменты!

Раки на берегу дружно хлопают.

– Аншлаг! – импровизирует Игорек. – Место действия... темно-коричневые трусы фабрики «Ба-альшевичка»!

Я испуганно озираюсь. Но он поет, как... угнетенный мулат, сборщик раков, на плантации – фантазирую я. Песня освобождающегося мулата! Похож!

– Рак... исполкомовский... Сидор Игнатъич Пафнутьев!
Прошу любить!

И еще один тучный шлепается на берег, присоединяясь к аплодисментам.

Сливая с себя потоки грязной воды, наш герой поднимается.

Знал бы Иван Сергеевич, смачно обламывая хитиновую скорлупу Кассиуса Клея, превращая его в труху, о комментариях сына получасовой давности! Сыто вздохнув, он отодвигает блюдо с ошметками «супербойца»:

– Не! У нас в Волге раки крупнее!

– Ну, с более крупным тебе бы пришлось и больше повозиться, – смиренно произносит сын.

Я неожиданно смеюсь. Пауза.

– Ладно, сынок! Спасибо тебе за такой подарок.

– Ну что ты, батя. Можно мы погуляем?

– Да уж покажи брату-то... дяревню нашу! – усмехается довольный хозяин избы.

Фонтанировали мы тогда непрерывно. Миноносец «Назойливый»! Миноносец... «Мозолистый»! – и представляли, как Сергев гонится за нами в длинных трусах, раскручивая в воздухе бляху ремня.

А пока мы уходим в отведенную нам светелку.

– Это была, так сказать, деревенская часть... нашей эпопеи! – продолжает комментировать наши перемещения Игорек. – Босоногое детство. Эскиз художника-передвижника. И далее – великосветская жизнь! Переодеваемся!

К моему удивлению, Игорек остается в той же рубахе, но меняется в корне. Хотя добавились тапочки. Но – осанка! Перед выходом он оценивает свое отражение в старом тусклом зеркале.

– Чудовищная бедность! – произносит он трагически, но гордо.

И мы выходим. Берем зачем-то ракетки для пинг-понга. Как я понимаю – чтобы выглядеть богаче.

– У нас тут, впрочем, всё без затей, – поясняет Игорек (и нарядом своим, и всем видом подтверждая это). – Но зато – все свои! – Это он произносит надменно, и даже как-то гнусаво.

Выходим на утоптанную (танцами?) площадку. Пахнет мятой травой.

– Познакомься – Марк Лубоцкой, первая скрипка, Большой театр.

Изящный брюнет в майке и шароварах склоняет голову –

чуть шутивно.

– Нелли Мешкова, солистка того же заведения!

Я бы сказал – легкая, слегка покровительственная небрежность.

Нелли, на первый взгляд, кажется женщиной простой, но это только на первый.

– Игорь Иванович Алексеев, – улыбаясь, рекомендует она Игорька остальным (их друзьям, видимо). – Душа нашего деревенского общества.

Такая рекомендация, чувствую, несколько корбит Игорька. Что значит «деревенского»? Но не поправлять же даму. Для этого он слишком хорошо воспитан. Только сдержанный поклон, и рука – к сердцу.

– Ах, да. Совершенно забыл. Валерий, мой петербургский кузен. Подающий надежды! – Тонкая усмешка, рассчитанная на всеобщее понимание. – Впрочем, – взмах руки, снисходительно-прощающий, – богатый бездельник, как все они!

Я тоже несколько обомлеваю от такой характеристики – не полностью согласен. Но поднимать склоку – терять лицо!

– Ну что? Играем? – снимая напряжение, произносит Марк и поднимает ракетку.

Он с Нелли, я с Игорьком – расходимся по краям.

– Понял, – подаю голос я (не молчать же!). – Я думал – играем квартет Брамса и был в ужасе! А я как раз сегодня не в форме.

– Ничего! – улыбается Марк. – Мы и в театре всегда не в

форме. Но как-то играем!

И на меня летит, отскочив от стола, белый целлулоидный шарик. Отбиваю, целя в угол. У них троих, включая Игорька, ракетки изящные, с толстым слоем каучука... Лишь у меня – фанера. Приласкал кузена! Простака! Дурака! Слова задают ритм, шарик мелькает. 20:20! И вот Игорек, отбивая, как-то особо подкручивает шарик, тот свечой летит в небеса, потом низвергается и, чуть чиркнув о срез стола, падает. Очко! Победное! Марк и Нелли, захохотав, бросают на стол свои обитые каучуком темно-вишневые ракетки. Игорек, чуть помедлив, – свою. Победитель! Кстати – и я с ним. Я тоже кидая на стол свою ракетку-фанерку, выданную мне надменным кузеном, – но и она не подвела. Москва. Проверка.

– Вот так, – произносит Игорек, – играют холодные виртуозы!

Аплодисменты. Игорек раскланивается. Раскланиваюсь и я. Я – принят! Судя по тому, что и меня тоже берут купаться на речку Пенинскую, где есть, оказывается, и омут.

Москва. Солнечное утро. Крест – тень рамы – на озаренных обоях. Я лежу на полу, на жестких досках, на тончайшем матрасе. Спать на полу – не считалось тогда чем-то особенным. Тысячи родственников из провинции спали на московских полах и просыпались счастливыми. Проснулся счастливым и я. Мишки с полотна «Утро в сосновом лесу» Шишкина («Дурная копия», как определил Игорек) озарены тоже.

Голова моя – рядом с ножкой стула. Да, все же грубовато мне постелили, не совсем комфортно – хотели, видимо, подчеркнуть, что число моих визитов в Москву несколько «превышает норму»... Неплохо сказано для едва проснувшегося... «Холодные виртуозы» – вот как называли мы себя тогда с Игорьком. И значительно позже, когда восхищались «виртуозностью» Игорька, и еще позже, когда его за это же хулили (за то же самое, чем раньше восхищались), он неизменно отвечал (сдержанно, но с достоинством): «Московская школа!» И тут, разумеется, подразумевалась не только средняя школа, где он блистал, но и вообще – Москва. Ну, не вся Москва – только ее «истеблишмент» (одно из любимейших слов Игорька).

Вернемся в то солнечное утро. Я, кажется, перележал на полу. Видимо, от страха. «Наверху» явно назревал скандал – а тут вдруг резко встать, прямо с пола? Лучше отползти подальше от этого опасного стула, на котором сидит Игорек.

– Да, отец, дай, кстати, денег мне, – высокомерно произносит Игорек, и откидывает голову.

Ушибется сейчас. Мне, похоже, придется смягчить его падение (проходили уже!).

– Ах, тябе денюх? Денюх тябе? – закипает яростью, наливаясь лиловостью, Иван Сергев. – А на што тябе денюх? – издевательски простонародничает, прищуривает глаз – симптомы, увы, уже знакомые.

– На наслаждения, разумэ-этся. Приехал кузэ-эн. – Плав-

ный жест в мою сторону, однако не исполненный до конца, грубо прерванный.

– Ах кузе-е-н! – специально нас принижая и распалая себя, нажимает на «е-е» Иван Сергев. На нем белая посконная ночная рубаха и галифе цвета хаки, он по-крестьянски босой, пальцы на ноге загнуты вверх (плохой признак). – Денюх тебе? Так получи!

Хлесткий удар босой ногой сыну в пах. Зря тот развернулся так вольготно, распахнул себя, да еще нагло раскачивался. Надо было сгруппироваться. «Том козыряет», как любил говорить Игорек... И босой (к счастью) ногой – в пах! Батя угощает!

Игорек опрокидывает своей тяжестью стул на меня – я, успев схватить спинку, отжимаю стул, как штангу... Уф! Полегчало! Игорек соскочил. А то здесь, в этой неудобной позе, ему светила еще одна плюха от родного отца.

– Ну? Ты, надеюсь, со мной? – произносит он, обернувшись.

Ну разумеется, с ним! Одежду – в охапку. Делов-то!

По солнечной стороне (вспоминаются почему-то только солнечные дни, словно других тогда и не было) мы направляемся к высокой арке, которой заканчивалась тогда улица Станиславского, и, пройдя под ней, выходим на пустынную в этот час улицу Горького.

– Да, – хмура лоб, произносит Игорек, – ломка старого

происходит порой мучительно!

Мы идём вниз вдоль высокого, закрывающего небо дома с гранитным цоколем.

– Здесь, – Игорек устало поводит кистью руки, – живут только академики и маршалы.

Говорит так, как будто он сам там жил. Важничая, Игорек нашлёпывает нижнюю губу на верхнюю почти до носа и почему-то закатывает глаза.

– Тут с Ганькой Зелинским заходили к нему. Восемь комнат... комнатка для прислуги. В кабинете лежит, как мушкетёр, дед его в черной бархатной шапочке – академик Зелинский... Ну, который противогаз изобрел! – добавляет Игорек небрежно.

– А заходили зачем?

– Да задачки решали, Ганьке с экзаменом помогал!

– У меня тоже дед академик! – скромно признаюсь я, но он оставляет мое заявление без внимания.

Спустившись, мы оказались у конечного по улице Горького здания, где размещался шикарный «Националь». Не просто кафе – витрина «бомонда», который зарождался тогда, или, точнее, возрождался. Даже Олешу я видел тут – правда, несколько позже. А пока мы стояли в холле у огромного зеркала, отражавшего нас. Игорь бросал на свое отражение взгляд то так, то сяк, меняя личины. Я все ждал «чудовищной бедности» – одной из козырных его фраз, но он меня ошаршил новой.

– Фанатический приверженец стиля! – так оценил он себя.

После чего повернулся и вышел на улицу. Я старался не отставать.

– Надо бы где-то прилично позавтракать... Но – где? – страдальчески произнес он, гениально перевирая. На самом деле: не где, а как.

– Эту проблему можно легко решить! – я сам испугался своей уверенности.

– Надеюсь, это не связано с чудовищными унижениями? – он остановился.

– Не. Не с чудовищными. Пойдем.

У деда, академика Василия Петровича, с нашей бабушкой было две дочери – моя мама и тетя Люда. Одинокая тетя Люда (жених ее погиб на войне) жила в Москве, и наша добрая бабушка часто навещала ее, чтобы та не скучала – а заодно, я думаю, бабушка отдыхала здесь от нашего многолюдного семейства. Но тут ее настигал я, приходя в гости, когда был в Москве, поскольку считал и московское место проживания моей бабушки своей вотчиной. Как же не привести с собой и любимого кузена?

И я привел Игорька в свой рай на Каляевской улице, ныне Новослободской. Игорек не видел мою бабушку с той поры, когда мы переезжали из Казани и спали у них.

Помню, как сейчас: Игорек – красивый, молодой, неугомонный, хохочущий – начинает «заводиться» еще на подхо-

де, пританцовывая, крутя ручонками:

– Так! Отлично! Родственный экстаз! Сделаем!

И когда мы с ним (открыли соседи) вошли в коридор, коммунальный, но светлый и широкий, и вышла, радостно улыбаясь, бабушка, а за ней тетя Люда, Игорек бурно набросился на них, душил в объятиях, страстно целовал, постанывая от счастья.

– Ну хватит, хватит, Игорек! – смеясь, вырывалась бабушка. – Я уже вижу, как ты нас любишь!

И денег нам бабушка, конечно, дала – и не с какими-либо поучениями, а просто так, сияя! Я думаю, она была счастлива: хороший день, и ребята выросли совсем неплохие – видно, что не сделают никаких глупостей – а «аванс», вложенный в них, когда-нибудь отработают... И я думаю – мы не подвели.

Когда мы еще шли туда, Игорек повторял:

– Экстаз! Экстаз! Чтобы занять у родственников денег – нужен экстаз!

Но когда мы вышли от бабушки в мой любимый московский двор с нагретыми солнцем красными кирпичами, с постоянным, почти ощутимо сладким, пением из окна (знаменитый тенор) и горьким запахом мутно-зеленой полыни вдоль стен, я увидел вдруг, что и Игорек растроган.

– Какая бабушка у тебя! – растерянно, что случилось с ним редко, проговорил он. – А я боялся, думал: жена академика, встретит нас надменно, в пенсне!

– Ты забыл ее, что ли? – сказал я, почему-то смущаясь.

Женой академика я и не помню ее – развелись до моего рождения. Всегда душевной была. Не хлыщами ли мы ей показались?

– Ну все! – я взял бразды правления в свои руки. – По-прежнему – бедность, но уже не мучительная! Вперед!

Помню сияющие цветы и листья на подсвеченном витраже станции «Новослободская». Как сейчас, вижу нас, озаренных тем светом. Обожаю эту станцию и теперь – в каком бы горе ни проезжал, сразу же настроение улучшается.

И вот мы поднимаемся из подземелья возле Кремля.

– Красиво! – восклицаю я, но тут же спохватываюсь – не покажусь ли я слишком сентиментальным?

– Ну, старина Фьораванти, конечно, сделал, что мог, – говорит мой друг снисходительно. – Но что он мог? Бедняга!

Беднягами как раз только что были мы. А он... всё же построил Успенский собор.

– Даже производство кирпича пришлось налаживать ему в Москве – прежний, видишь ли, был плох.

Бедняга Фьораванти!

– А ты, что ли, не наладил бы? – спрашиваю я.

– Возможно, – сухо сообщает он.

Как можно жить рядом с таким великолепием и не восхищаться? Но Игорь Иванович важничает и, как всегда в такие минуты, нашлепывает нижнюю губу на верхнюю до носа и

закатывает глаза. Как сейчас помню то свежее московское утро и мой восторг: замечательный у меня кузен, и как мне повезло, что он есть! «С ним – как за каменной стеной... пусть даже кирпичной, которую он не совсем одобряет», – думаю я, пряча ироническую усмешку, никак не умаляющую значимости Игорька в моей жизни. Эту реплику, про значимость, я тоже произношу мысленно, но уже вполне всерьез. С таким проводником! В глубь веков!

– А в мавзолей не зайдём? – указываю я на творение уже нашей эпохи.

Ну-ка, что скажет тут? Вдоль кремлевской стены длинная очередь тянется к мавзолею. Надо как-то сбить спесь с Игорька: вон какая очередь...

– Сейчас – нет, – произносит он и снисходительно добавляет: – Для представителей истеблишмента существуют спецэкскурсии.

– А когда?

– В специально выделенное время! – чеканит он. – А сейчас у нас...

И мы погружаемся с ним в мир роскоши. На самой фешенебельной улице Москвы – улице Горького, – в «Парикмахерской № 1» (ну а в какой же еще?), у лучшего мастера (которого Игорек похлопывает по плечу, хотя тот намного старше нас) мы сделали из наших пышных тогда кудрей два ослепительных кока, торчащих вверх и вперед, и пошли

вдоль красивых витрин «в поисках мимолетных наслаждений», как чуть вычурно, но абсолютно соответствуя своему стилю, сформулировал Игорек. Можно, конечно, спросить: а почему мимолетных? Но когда он в «словесном полете», лучше его не сбивать, а слушать и наслаждаться.

Парадная Москва в середине пятидесятых была в отличнейшем состоянии. Дома в стиле «сталинского ренессанса», впитавшего в себя всю декоративную пышность ушедших эпох, были еще новые, яркие, и когда ты, задрвав голову, любовался ими, было ясно, что лучше ничего на свете не может быть. Улицы были чистые, ухоженные, в магазинах сиял мраморный пол, продавщицы ласковые, в крахмальных кокошниках. В магазине «Фрукты», рядом с высокой аркой, каждое яблоко было румяно, лежало на отдельной пергаментной гармошке и сладко пахло. В Столешниковом переулке, плавно стекающем от главной улицы вниз, мы зашли по моей просьбе в магазин «Российские вина» и там ощутили «запах порока», сладкий и слегка липкий. Имелся тут и «разлив», откуда неслись веселые голоса, но Игорек, поморщившись, сказал: «Это не элегантно», – и вопрос был закрыт. Потом, целую нашу жизнь, фраза «это не элегантно» спасала нас от непродуманных решений.

И мы пришли с ним в знаменитый тогда «Коктейль-бар» (первый такой в России), где, по словам Игорька, «собираются все наши», и где он уверенно изображал завсегда (в шестнадцать лет!).

– Славик, умоляю! – высокомерно обращался он к красавцу-бармену. – Сделай мне два «Манхэттена», как обычно. Ну, ты знаешь.

Славик в некоторой растерянности смотрел на него. Кто такой? С виду – лопоухий школьник, но по тому, как держится... один из тех мальчиков, что живут в «высоких» домах. Такие все могут.

– Но... «Манхэттена»... мы не делаем! – неуверенно отвечал Славик.

Еще бы! В пятидесятые годы – и «Манхэттен»! В лучшем случае в меню мог стоять коктейль «Маяк».

– Ну прошу – сделай для меня! – гундел Игорек. – Исключительно приватно!

Слова его обволакивали мозг, подчиняли. В конце концов, чтобы отвязаться от опасного подростка, Славик что-то набухал из бутылок, спрятанных под прилавком, в зеленые хайболы, воткнул в смесь соломинки и красиво пустил стаканы к нам по отполированной стойке – и останавливались они точно напротив клиента. Класс! Игорек благосклонно кивнул, втянул через соломинку... и еще раз кивнул, уже более вдумчиво: «Да, это – настоящий “Манхэттен”!» Вспоминая тот вкус, теперь сомневаюсь: был ли в том «Манхэттене» вообще алкоголь? А какая, собственно, разница? Главное – чувство причастности.

– К сожалению, это единственное в Москве место такого уровня, – закатывая глаза, важничал Игорек. – Есть еще

несколько подражаний... но! – Гримаса скорби. – Спасибо, Слав! Как-нибудь заскочу.

Гонор, которым мы обзаводились тогда, очень нам пригодился в последующей жизни.

– К сожалению, – сообщил Игорек на улице (теперь это уже, несомненно, был Брод, а не улица Горького), – мы должны спешить. Лубоцкой пригласил нас на премьеру «Травиаты», а нам надо еще заскочить переодеться!

И мы были вынуждены, увы, вернуться в социализм и при всем нашем великолепии погрузиться в коммуналку.

– Не хочется вам говорить, – встретил нас суровый Иван Сергеевич. – Но приходится. Саратовский Юрка приехал, ваш брат. Вон чемодан его. Пошел прогуляться. Назначил вам на шесть встречу у главных ворот Сельскохозяйственной выставки. Потом в Ригу куда-то едет, на Олимпиаду какую-то. Молодец, не то што... Хочет, говорит, вас угостить! – На мрачном его лице вдруг прорезалась улыбка. – Уважьте уж брата своего! Давно ведь не виделись!

Я, можно сказать, никогда.

– Но встреча будет в стиле регтайм! – озабоченно произносит Игорь.

– Это уж вам виднее, – говорит патриарх.

По дороге я спросил Игорька: что значит «в стиле регтайм»? Стопроцентно, он и сам этого не знал, и я волновался.

– Регтайм – это значит, как получится! – деловито отвечает он.

Но как только я увидел и обнял плотного, теплого Юру, добродушно улыбающегося, я сразу понял – с ним будет хорошо.

– Братики мои! Как я рад-то! – простосердечно проговорил он.

Но я заметил, как Игорек поморщился от «рад-то». Недопустимое просторечие. Игорек сам, кстати, родился в Саратове... но далеко ушел.

– К сожалению, наше время ограничено! – заявил он, глянув на запястье, где часов, кстати, не было. Но это мелочь. – Может быть, мы успеем пропустить по хайболу!

– Ну, это уж вы глядите, – с волжской растяжкой произнес Юра. – Вы места знаете.

Волжане, понял я, никогда не спешат. Он мне нравился все больше. А то уж больно какая-то взвинченная пошла жизнь!

Мы входим в пышные ворота ВСХВ. Вот она, советская жизнь... какой она должна быть! Фонтан «Дружба народов» – девушки всех шестнадцати национальностей (по числу республик), гигантские красавицы в нацкостюмах. Тогда это уже вышло из моды и даже снобировалось! И Игорек, соответственно, поморщился. Нет ни одного приличного места, где можно было бы пропустить по хайболу. Кругом лишь

советская неоклассическая пышность! Замечу – совсем не то, что нынешний «узбекский евроремонт»!

Узбекистан тогда тоже склонялся к пышности – резной павильон, слегка напоминающий чудо-мечети Самарканда, и такой же разукрашенный уходящей роскошью ресторан.

– Ишь ты! – оглядывается по сторонам Юра. – Ну че? Может, тут присядем?

Игорь мучительно морщится. Он стремился показать Юрию современную Москву. Правда, не так чтобы очень стремился. А это что ж получается – «Назад в СССР», как еще в то время не пел Джон Леннон? Или уже пел? Но возвращаться в Советский союз было бессмысленно, потому как он никуда и не уходил, а, наоборот, – цвел, судя по выставке. Лишь Игорь стремился в неизведанное будущее. А я оцениваю время по запахам! Таких ароматов я еще не вдыхал... или – недовдохнул? Мясо – и чудные специи. Не зря ко мне вскоре приклеилось прозвище «зам по наслаждениям» и сопровождало потом всю жизнь.

– Годится! – Я потирал ладошки.

Игорь сел – но лишь на краешек стула. «Воротил харю», как говорят некультурные.

Подошел официант. Не узбек.

– Вы, ребята, обедать будете? Или так присели? – он кивнул на Игорька, «отворотившего харю» еще больше.

Но мы-то сидели плотно.

– Обедать, конечно! – Юра неторопливо расставляет свои

волжские «о».

И официант явно выделил его.

– Тогда держите меню. Может, зеленого чая пока принести?

– Да! Чай! – радостно восклицаю я.

Бабушка всегда приговаривает: «Чай не пьешь – откуда силы берешь?» Хлебнем благодати!

– В чашках? Или чайник, побольше?

– Да уж чайник несите! – командует Юра.

Вот кто у нас настоящий бай! Круглолицый, загорелый, с ежиком на голове, ладони сомкнул на животе, вполне ощутимом. Сидит крепко, уверенно. Добродушно, но цепко оглядывает нас.

– Разные вы, братики! – вдруг говорит он.

Оценивает. Ну, а чего? Имеет право: он уже студент, стипендию получает! А мы? Значит, кто-то лучше, кто-то хуже, на его взгляд? Или – просто разные? Сейчас разберемся.

– Ну, чего будем брать-то?

Руководит! Я впиваюсь в меню. Чанахи! Харчо! Одни названия пьянят. Плюс запахи. И я расслабляюсь, и принимаю «позу Юрка». Что не остается незамеченным.

– К сожалению, мы вынуждены ограничиться чаем! – стальной голос Игорька.

– Да вы что? У меня денег – во! – Юра выгружает из пиджака лопатник. Тот даже стоит, не падает. Наш «волжский купец» хватает его своими короткими мохнатыми пальцами,

пихает в пиджак. – Харчо пробовали? Нет? Говорят – вкуснота!

Игорек морщится – как вульгарно!

– К сожалению, самый дорогой продукт – не деньги, а время, – произносит Игорек. – Мы с нашим юным другом (это, видимо, я?) приглашены на приватную вечеринку. Опаздывать в тех кругах не принято.

– Так, понятно, – вздыхает наш гость... или мы его гости?

Пауза. – Пойду, сброшу давление.

Да... Примитив. Но это на первый взгляд! «Наш медведь», как мы окрестили Юрка в его отсутствие, возвращается вразвалочку, не спеша, уверенно.

– Ну... я там все заказал пока.

– Где? – сардонически усмехается Игорек.

– В смысле там, куда уходил? – хочет «размазать» Юрка. Тот, кратко усмехнувшись (показывая, что шутку заметил, но считает неудачной), поясняет:

– Официанту сказал: три чанахи, три шашлыка. У нас тоже приватная вечеринка, чай!

Слово «чай», если кто забыл, означает не только бодрящий напиток, но и силу, уверенность.

Все решил. Садится уверенно. Пахан!

Ммм! Несут!.. И через полчаса мы откидываемся... переполненные, но довольные.

– Ну че? Может, выставку поглядим? – предлагает благодушный Юра.

– К сожалению, нет! – Игорек встает. – Но, думаю, ты и один справишься? По законам столицы... платит гость! К сожалению, мы спешим!

– А меня не возьмете?

– Увы, нет! – разводит руками Игорек. – В Москве всё... расписано до мелочей. Если дома уже не увидим тебя – пока! Жестоко... Но так играют «холодные виртуозы»!

И нам удастся все!

– Это со мной! – небрежно кидает Игорек похожим на двух королев контролершам Большого театра и те, поклонившись, пропускают нас.

Всемогущ! Они даже смотрят нам вслед, обсуждая, видимо, кто этот всесильный юноша, который тащит с собой еще и приятеля?

– Спецзаказ! – сказал он величественной билетерше на этаже, и мы вошли в ложу.

У бархатного барьера, над театральной бездной восседали важный седой генерал с солидной женой ему под стать. Удивленно обернулись: они, видимо, ожидали более представительных соседей. Или вообще не ожидали? Но Игорек произнес: «Добрый вечер!» настолько благожелательно и в то же время строго, что те ответили с кротким вздохом: «Добрый вечер!», и повернулись к залу, смирившись с реальностью.

Игорек разыгрался. Мы с ним ерзаем на маленьких стульчиках второго ряда, «егозим», как сказала бы бабушка, су-

пруга генерала поглядывает на нас с интересом, генерал – с осуждением на супругу, потом – на нас. Игорек мгновенно делает суровое лицо, даже сводит брови: генералу должно быть стыдно за мысли о том, что он оказался в ложе с недостаточно серьезными ценителями оперы, пусть даже юными. Генерал отворачивается, что-то шепчет жене, и по ушам их видно, что они улыбаются, и я уже деловито запоминаю этот момент и то состояние, когда сил нам просто некуда было девать! И вот свет в зале плавно погас, а занавес озарился снизу, и дирижер во фраке, но без волос, раскланялся перед публикой. Сдержанные аплодисменты.

– Пока я от аплодисментов воздержусь, – непринужденно начинает Игорек разговор, рассчитанный, видимо, на всех. – На римских гастролях маэстро был, увы, не в лучшей в форме! – Игорек выдает скорбную гримасу.

«Что за меломаны такие, недоростки, молоко на губах не обсохло, а туда же!» – возможно, думает генерал. Но, поразмыслив, важно кивает.

Зазвучала музыка – сперва вкрадчиво, потом громче. Генерал вслушивался – но уже без прежнего доверия (Игорек посеял-таки смуту, как настоящий театрал). Ну что за Игорек... Испортил старику удовольствие – возможно, последнее в его жизни! Зачем? Но зато показал себя!

– Наш Марк! Первая скрипка! – вздыхает Игорек в момент скрипичного соло. – Сегодня играет как никогда!

Генеральша с уже не скрываемым интересом глядит на

Игорька, да и генерал тоже. Но на жену – осуждающе: «Ты зачем сюда пришла? На Игорька любоваться? Ну – великолепен. Ну и что? А я тебе – кто? – читалось в его взгляде. – В театре надо на сцену смотреть!»

Да! Опасно «театральное море»! Но Игорек плавает в нем легко.

И тут грянула «Заздравная», напоминаю – Верди, тогда еще исполняемая по-русски, а не на родном языке композитора, и я, замерев, внимал гениальной музыке – и словам:

– Подни-имем, поднимем же чаши веселья...

Цитирую по памяти. Сейчас, возможно, текст изменен по программе 12+.

– ...и жадно прильнем к ним устами!

Игорек мгновенно это изобразил, «закинув рюмочку». Генерал вдруг захохотал: ему понравилось. Мы, кажется, задружились, и слушали, чуть ли не раскачиваясь вместе в такт, взявшись за руки.

– ...ловите сча-астья миг златой, его тяжка-а утра-ата. Промчится без возвра-ата он жизнью ма-аладой!

«Без разврата!» – шепнул мне Игорек, но, поймав строгий взгляд генерала, тут же сделал невинное лицо: я что – я ничего.

Мне показалось, под левым глазом у генерала мелькнула слеза (или это стекло пенсне «сбликовало»?).

«Ему-то ловить “миг златой” явно уже поздно», – с сочувствием подумал я. Теперь бы я так не подумал. «Спо-

койно!» – сказал бы я. Но тогда смысл спетого меня пронзил. Действительно: «Ловите счастья миг златой!.. Промчит-ся!». Но где же его ловить? Я с волнением глянул на Игорька: он, кажется, тоже в упоении, и даже прикрыл глаза... или вздремнул чуток? Я толкнул его, и он, вздрогнув, сразу «честно» вытаращил глаза – мол, я не сплю! Потом он так делал не раз. «Да, прэлэстно, прэлэстно!» – забормотал он.

Запела Виолетта Валери (она же наша партнерша по настольному теннису Нелли Мешкова), и Игорек, конечно, откомментировал:

– Узнаешь? Наша партнерша по настольному теннису! Там она выглядела грациозней.

Генерал уже смотрел на нас с уважением. С соседями ему повезло! И даже поддержал диалог:

– Да уж, на чахоточную она не похожа!

Неожиданно расшутился! В этот раз на нас, включая и генерала, осуждающе поглядела его жена. Настоящая «театральная интрига». Возбуждает чувства. И завел это – Игорек. Театр в театре!

Даже интерес к происходящему на сцене как-то угас. Наша взяла! Страдания Альфреда и Виолетты были нам пока что не близки. Внимание мое привлекла только печальная ария отца Альфреда – кажется, Жермона, – умолявшего своего блудного сына, увлекшегося этой шлюхой Виолеттой, вернуться в родное лоно (логово?). Не знаю, как это лучше сказать. Тучный папа неплохо пел:

Ты забыл край ми-иный свой,
Бро-осил ты Прованс родной,
Где так много сладких дней
Было в юности твоей!

...Вернись скорей!
Мо-олю Альфред!

Но запомнил я эту трогательную арию только благодаря тому, что Игорек сопровождал ее уморительной пантомимой: молитвенно складывал пальцы, закатывал глаза – очевидно, проводя параллель между происходящим на сцене и его собственными непростыми отношениями со своим пад-ре, или «предком» (как мы тогда говорили), Иваном Сергеевичем. Все уже поняли, что главный герой в этой постановке Большого театра СССР, конечно же, Игорек, и не сводили с него глаз. И даже из соседних лож.

И – апофеоз! Самое изысканное общество «приближенных» – у служебного выхода Большого театра. Заключительный акт, не предусмотренный (или-таки предусмотренный?) гением Верди и талантом автора либретто. Игорек оказался вдруг главным в той элегантно, раздушенной толпе, состоящей из людей самых близких и допущенных. С какой-то непостижимой ловкостью, никого, вроде, не задевая, но никого и не забывая, он струился в той толпе, целуя ручки, а кого-то даже целуя в щечку. Да-а! Юрок с его чанахами тут

не канает! Волшебный летний вечер! Не был ли он самым лучшим в жизни? Моей. Или – Игорька. Возможно, он путал имена, а порой и должности присутствующих здесь, но на успех его это никак не влияло – если он приписывал кому-то чужие успехи, это все равно льстило. А он был щедр! Может быть, не все его знали, скорее – никто не знал, но все были приятно поражены появлением этого ангелоподобного юноши, раздающего комплименты, а некоторым – и замечания (пользуясь особо близкими отношениями). «Ай-ай-ай! – грозил Лубоцкому пальчиком. – В Японию, значит, не едете? Отпуск себе устроили? – Тут сверкнул отблеск угрозы. – К себе в Вишневку, в степной Крым? Понимаю. Не Ялта, но зато все наши, свои! Эх, и я бы... Но! Пардон! Законы большого света жестоки, – поясняет Марку, – вынужден вас покинуть! Эта невозможная Аглая Тихоновна появилась опять! Но вы ж понимаете!» – и он грациозно «оттанцовывает» чуть влево – и вот уже лобызает унизанные алмазами персты Аглаи Тихоновны, всемогущей, видать, старухи! Которая вряд ли, при всем при том, может подействовать реальной жизни Игорька! Но тут он бескорыстен. И Аглая Тихоновна к нему благосклонна – хотя работает тут он уже «на грани провала». Чуть устал? «В Японию, значит, не едете?» Та в недоумении: видимо, и не собиралась. «Значит, в Вишневку. Угадал? – грозит ей пальчиком. – Не в Вишневку?» Я замер. Сейчас все рухнет! Нет. Блестящее фуэте! «Ах, в Плетневку! Ну это, разумеется, уровнем выше, мы с вами по-

нимаем!.. Ах, ниже – просто сестра ваша там живет? Понимаю... – сочувственно кивает. – Бедная женщина! Ах, вдова замминистра? Ну ясно!» – с облегчением, а то распереживался уже. И – смелый ход: «А я должен вас поругать!»

Я зажмуриваюсь. Это конец. Но – слышу и открываю глаза:

– Вечер прохладный... Почему вы не носите боа! Нет?.. Ну – берегитесь! Я вам его подарю!

Аглая Тихоновна, чувствуется, не прочь. И не важно, кто этот очаровательный юноша, раздаривающий боа! И перед которым – это ясно – распаивается любая дверь!

– Так когда в Плетневку? – уже запанибратски. – Смотрите, нагряду!

Та в приятном ужасе застывает! И, жестоко бросив «графиню», Игорек уходит... в простой народ! Впрочем, не в такой уж простой.

– Ох уж эта Трофимова! – доносится его утомленный голос. – Четыре кикса в одной партии! Да. Своды Большого театра такое слышат впервые!

Изысканная толпа разбредается, и мы остаемся одни.

– Ох уж эти... – наконец, подходит ко мне... Последний акт его вымотал. Зато какой успех! – Все грозятся в гости! – вздыхает он.

Все грозятся в гости? Интересно – куда? Видимо, в Филимонки, раков ловить! – усмехаюсь я про себя.

– Так ты думаешь, Юрка мы чрезмерно пригнули? – вдруг

говорит он.

– Похоже на то.

– Займись этим! – дает указание.

Уже вымотанный, но заботится о гармонии! Состоялась бы та премьера без него? Возможно. Но сильно бы проиграла.

И самое удивительное, что этот удивительный юноша, затмивший самого Верди, через неделю после той премьеры пошел в школу с книгами и ранцем... Правда – в десятый, последний класс! Как все... Ну, конечно, не как все. Уверен, что преподавательский коллектив целиком состоял из очарованных им Аглай Тихоновн – и проблем не было. К тому же эрудиция его была столь огромна, что школьная программа занимала в ней ничтожную часть. Золотая медаль! Кому же, если по справедливости, как не ему?

Да, с кузеном мне повезло. Любуясь им, и я продвинулся в жизни. И первым своим «блеском» я обязан ему. Кому же еще? И не только первым учеником, но и джентльменом, и бонвиваном, и даже меломаном я стал, подражая ему.

И вот мы с Игорьком стоим на улице Горького, там, где она расширяется в Пушкинскую площадь, и мимо нас длинной лентой идут грузовики, и в каждом кузове пляшут, машут, поют красивые, яркие, молодые, разноцветные люди – Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, 1957 год. И мы – чувствую я – вовсе не посторонние здесь, пред-

ставляем наше поколение вполне достойно: с золотыми медалями – после короткого собеседования зачислены в самые престижные вузы: я – в Ленинградский электротехнический, Игорек – в Московский авиационный. И красивая гибкая негритянка, приплясывая в кузове, посылает нам поцелуй – именно нам. И, наверное, история наша правильно идет, если сейчас мы, два красавца и отличника, здесь стоим и весь мир нас любит!

«Как хорошо, – думаю я, – что вся жизнь еще впереди, и мы еще успеем исправить то... что уже испортили».

Закончив первый курс, мы с Игорьком устремились в Крым. Не к Аглае Тихоновне в Плетневку (зачем она нам?), а в литературный Коктебель, с запахом моря и полыни! Поэзия – вот что тогда меня влекло. И Игорек эту мою склонность поощрял и даже благосклонно курировал, делая замечания. Я именовался тогда Полутораглазый Стрелец, а его мы, смеясь, назвали Начальник АХО (административно-хозяйственной части), он отвечал за материальную сторону, которой, увы, не существовало. Нас с ним обчистили еще в дороге – на каждой станции нам назойливо что-то предлагали, несли прямо к колесам – и мы издержались. С трудом наскребли средства на съём полухлева – о дощатую стенку с другой стороны терлась хрюкающая свинья. Когда же ее зарежут? Созрела! Пора! Может, и нам достанутся хотя бы уши. Хозяйка (очередная Аглая Тихоновна), без конца наме-

кавшая на свое блестящее прошлое, нам благоволила и разрешила, как она выразилась, «щипать» крыжовник. Возможно, не только его, но и ее. Поэтому мы, «блистательные негодяи», как определил Игорек (живущие, правда, почему-то в хлеву), трагически исчезали из своего прибежища ранним утром и отсутствовали допоздна. Чтобы, не дай бог, не перепутать крыжовник с чем-то еще. Сопровождающие нас иногда под покровом ночи «недурные девчонки», лишь услышав хрюканье, покидали нас... И нам облегчение! Завтра рано вставать. Свинья терлась и, кажется, даже кокетничала.

Так низко мы не падали еще никогда. Даже сказать «чудовищная бедность» было стыдно – настолько это совпало с реальностью. Ведомые смутным инстинктом, мы забрели однажды на кухню столовой и столкнулись с острой социальной проблемой – поварахи зычно обсуждали дележку оставшегося в котлах. И мы слышали: «свиньям», и были потрясены. То есть наша соседка по хлеву питается регулярно (хозяйка как раз работала в столовой), а мы, несущие в массы культуру, голодны! Но нищенство нам претило. Мы выбрали более романтический, хотя и опасный, путь.

Не знаю, как он называется на блатном жаргоне, – до этой компании мы еще не опустились (или не поднялись). Возможно, мы были новаторами. Я двигался в очереди, в пространстве, отделенном от зала барьером. Предназначение этого барьера мы понимали слишком даже хорошо – чтобы не уносили еду, не доходя до кассы. Но два брата – это не

один брат! Нанюхавшись запахов, мы шли на дело. Я двигал перед собой два подноса. На синий, скажем, поднос, я помещал блюдечко с двумя кусочками хлеба (натюрморт «Нищета и благородство»), на второй (скажем, желтый, чтобы не перепутать) ставил две тарелки борща, пару порций фаршированных перцев, два компота из сухофруктов... И все. Мы же не бесчинствовали! Лишь самое необходимое для выживания! После этого я деловито и даже слегка рассержено передавал этот поднос через барьер Игорьку, выкрикивая раздраженно что-нибудь вроде: «Галя, Галя! Ты тут забыла. Он сейчас все принесет!» Два брата-акробата... Игорек поднос брал (нагруженный неслабо), и нес к столику, где, желатель-но, сидела женщина с детьми, но без мужа. Так легче строил-ся диалог, снимающий напряжение (и подозрения). Я скорб-но оплачивал на кассе хлеб (на это средств пока что хватало), отвлекая на себя внимание: «А сдача?! Как нет сдачи? Почему? Ладно, забирайте себе!» И гордо шел с хлебом на блюдечке к Игорьку. «Ты заигрался!» – шипел он. Ревновал! Его-то талант оставался незамеченным... до поры. Од-нажды кассирша куда-то отлучилась и, возвращаясь, столк-нулась нос к носу с Игорьком, несущим поднос, который она не видела у кассы (профессиональная память!) и точно не пробивала: «Э-э! А платить?» Игорек замер – та на его пути стояла, как бочка. Бросить поднос и бежать?

– А разве надо платить? – спросил Игорек настолько изум-ленно, что кассирша, смутившись, ушла.

Может, она подумала, что уже есть в стране регионы, где не надо платить? Но эта версия скоро отпала – возле кассы появился высокий жилистый паренек (возможно, ее сын?), кассирша показывала на нас, он весело кивал.

«Приведение приговора в исполнение» несколько оттянулось, но ненадолго. Вечером мы валялись возле цистерны с сухим (деньги на вино, как ни странно, находились). Все в Коктебеле было наполнено негой в этот час. Теплая пыль, в которой мы как раз отдыхали от дневных забот, желтое солнце, садящееся в море. Для полной идиллии не хватало какой-то мелочи – и вскоре мы ее получили. Нависнув над нами, как коршуны, они били нас ногами в остроконечных ботинках. Такая мода? Или это им выдается в качестве спецобуви? Не успели спросить – они уже разбежались. Причем, несколько ударов было нанесено по лицу – видимо, чтобы на нас остались отметины и нас не пускали в приличное общество. Хотя те, что стояли у бочки с сухим, были за нас! «Ай-ай-ай!» – приговаривали они. Но очереди, правда, не покидали. Слегка покачиваясь, мы встали. Расстройства особого не было. Ну что ж – за дело! Такова жизнь.

Игорек предложил, «исключительно ради любопытства», заглянуть в милицию – может быть, нам будет оказана какая-то правовая помощь. Но там мы увидели тех же хлопцев, бодро хохочущих, – вместе с дежурным офицером они отмечали победу! А тут, так сказать, появились и доказательства

их победы – мы.

– Простите, – чопорно произнес Игорек. – Мы, видимо, ошиблись дверью.

– Иди, иди! – согласился дежурный. – Смотри только, о косяк не хрясьнись! А то еще скажешь, что это мы!

Дружный хохот.

«Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла, мы совсем не скучаем...» – процитировал я. И мы покинули этот берег с легкой грустью.

Зато Москва встретила нас с распростертыми объятьями.

– О! Получили, значит! – вскричал Иван Сергеевич и захохотал.

Ранее я никогда не видел его таким счастливым. Так он радовался нашим «рабочим травмам» в виде радужных пятен на лице. Мы скромно молчали.

– Да-а! – сказал мой отец, оказавшийся тут же. – В вашем возрасте я все больше книжки читал!

– Понимаю. Деревенское детство, – высокомерно проговорил Игорек. – Но мы, к сожалению, в нашем возрасте все уже прочли!

– Конечно! Теперь осталось только по мордám получать! Это они к девкам, к девкам ходили! – ликовал Иван Сергеевич.

Какая клевета! Но мы не стали оспаривать эту версию... поскольку наша выглядела еще неказистой.

Отец мой пытался как-то обуздать «разгул реакции», который учинил Иван Сергеевич, и обратился к нам:

– Нет, хорошо, что вы дружите! Любуюсь вами! Но тут говорят, уж больно вы «теплые» каждый день!

Он, видимо, подводил разговор к теме пьянства и борьбы с ним. Между тем, аккуратно посередине стола, стояла почти пустая бутылка старки, которую как раз собирались прикончить наши старики. И, видимо, мы нашим появлением внесли некоторый дискомфорт, и даже досаду. Попрекают нас пьянством, а между тем оба они, без сомнения, *дунувши* и причем крепко, что, кстати, должно нас, скорее, соединять, нежели разъединять.

– Мы готовы совершить еще одно путешествие... искупительное! – скромно сообщил я. – Куда-нибудь в глушь!

Тем более, что каникулы истрачены только наполовину.

– В Саратов, может? – усмехнулся отец. – А что? – Они с Иваном переглянулись. – Пускай! Тут как раз Нина звонила, сестра. Главврачом ее назначили в санатории. В «Черемшаны», возле Саратова. Зовет!

– Во! Им там хари как раз еще подчистят! – захохотал злобный Иван Сергеевич.

Что это за санаторий такой? Или он просто любит так отдыхать, с членовредительством?

– Нина сказала, что и Юрка туда приедет, с практики, – добавил отец.

– О! Вот Юрка-то шею им и намылит! – гнул свое хозяин.

– Надеюсь, вы не хотите, чтобы мы предстали перед нашим кузеном нищими? – скорбно произнес Игорь.

Во-во! Отлично! Тем более, что, действительно, у нас есть перед Юрой должок.

– Ну... прэлэстно! – произнес отец любимое свое слово и, вытащив из пиджака, шлепнул на стол пачку ассигнаций. – Премияльные выдали, за новый сорт! И еще столько бы дал, чтобы с вами поехать! (Блеснула слеза?) Да не могу – посевная у меня!

– Думаю, создание мощного семейного клана стоит потраченных усилий и энной суммы! – произнес Игорек.

– Ишь ты... клан! – Тут Иван Сергев не без гордости, наконец, взглянул на сынка и вытащил откуда-то из исподнего горсть купюр. – Только Юрку с панталыку не сбивайте – он мужик серьезный.

– Не собьем! – твердо пообещали мы.

И вторая пачечка шлепнулась рядом с первой. Как говорили мы с Игорьком: «После полуночи игрокам пошла карта».

БРАТАНИЕ

– Ну что, устроим братание? – предложил я.

Мы подплывали к цели нашего путешествия – Хвалынску. Отец настоял, чтобы мы именноплыли, и мы не пожалели.

Хвалынск хвалился церквями, уютными домиками, тону-

щами в зелени.

– Родина Петрова-Водкина, великого мастера! Его книгу «Хлыновск» читал? – Игорек, естественно, взял инициативу на себя. – Но во многом Кузьма не прав...

С его комментариями мы прогулялись по городу и даже зашли в музей, где полотен великого мастера, увы, не оказалось, зато в витринах красовались банки с изделиями местного плодоовощного комбината (аппетитными, но, увы, за стеклом), а главный зал был посвящен юности члена политбюро ЦК КПСС Михаила Суслова, начинавшего карьеру здесь.

– Мог бы вложиться и активней в этот городок, – сделал ему замечание Игорек. – Мог бы выхлопотать пару полотен Кузьмы.

С Кузьмой, похоже, Игорек уже побратался. Осталось – с кузеном.

Мы сели в допотопный автобус («Раритет!» – оценил его Игорек) и поехали в «Черемшаны».

– Чего-то Волга тут совсем не широкая! – переживал я. Ввязавшись в это дело с подачи отца, я чувствовал ответственность за все, даже за погоду. – Да и не жарко!

– Будет тебе жара! – пообещал, обернувшись, водитель и не обманул.

В котловине, среди невысоких меловых гор, где стоял санаторий – точно, была жара!

– Милые мои! Как вы выросли-то! – Нина Ивановна в белом халате выбежала из своего кабинета, и я вздрогнул: самая красивая из всех братьев и сестер!

Мы вошли в ее просторный кабинет. Здесь после уличного пекла веяло прохладой.

– Юрка прям убивался, что не смог встретить вас. На практику направили, в Красный Кут. Ничего, скоро увидите. Отдыхайте пока. Юлечка, проводи ребят! Да – в студию! Потом – в столовую.

– Палата номер шесть! – усмехнулся Игорь.

– Да. Пока пустая у нас! – просто ответила тетя Нина.

Терраса, заставленная койками, темноватая из-за нависших ветвей.

– А где же здесь цепи для буйных? – воскликнул я.

Мы продолжали духариться.

– Видимо, временно сняли – к нашему приезду! – предположил Игорек. – И, кстати, напрасно, – зловеще добавил он.

– Вообще-то у нас опорно-двигательный аппарат лечат, а не психов! – сказала вдруг пожилая Юлечка, видимо, обидевшись.

– Какие койки можно занимать? – робко спросил я, надеясь с ней примириться.

– Любые! – отрезала она. – Переодевайтесь! – приказала строго, как больным. – Жду вас на крыльце!

– Да... Все тут по делу! – отметили мы, появившись в столовой. – Исключительно опорно-двигательный аппарат!

Аппарат, как говорится, один, а дефектов много. Большой выбор! Красота, действительно, тут «хромает».

– Кто приехал сюда в надежде потерять невинность – тот просчитался! – усмехнулся Игорь.

Но это не касалось, разумеется, нас – несколько жадных взглядов мы словили. Но... тетя не одобрит.

– Пока сидела – была ничего! – так жестко оценили мы одну из красавиц.

Впрочем, после кисломолочного ужина мы почувствовали прилив сил. Я предложил Игорьку «оглядеть наши владения», и мы вскарабкались на холм. В кустах застряли сгустки жары, и когда мы задевали ветки, эти «заряды» вылетали с хлопком, будто птицы. С вершины увидели круглую танцплощадку в котловине, между белых, как головы сахара, невысоких гор. Жизнь кипела! Тут лечились труженики Поволжья, одновременно торопясь отдохнуть – а когда же еще? И перед нами замелькали, как в калейдоскопе, все виды разгула по-волжски. Или «по-нашему, по водолазному» – мы взяли этот слоган из районной газеты города Сызрань, где, проплывая по Волге, наша посудина делала остановку...

Нас сразу же взяли в оборот две пожилые (нам так казалось тогда) клиентки санатория, обе с чуть заметными дефектами опорно-двигательного аппарата, что их совершенно не смущало. «Однава живем!» – так они обозначили свою

программу. Танцы были исключительно быстрые, и вскоре мы, высунув языки, уползли на свою наблюдательную площадку. Не срослось!.. Видимо, здесь эти слова имели и второй смысл, медицинский. В итоге мы, неприкаянные Чайльд-Гарольды (любимый в те годы наш литературный герой), наблюдали жизнь свысока. Наши «пассии» (так именовали мы их) нашли-таки себе мужика – одного на двоих, причем, хромого, и лихо отплясывали с ним втроем, с выкриками и свистом.

– Порой я завидую им! – меланхолично, как и положено Чайльд-Гарольду, произнес кузен.

Впрочем, на следующий день, по предложению нашей Нины Ивановны, мы благосклонно согласились принять участие в местной параолимпиаде и заняли все первые места – и по бегу, и по прыжкам – при явном пособничестве тети Нины, проводившей соревнования. С суждением определено было что-то не то. Поэтому грамоты на той же танцплощадке мы принимали смущенно.

– Что делать? Наш клан работает! И так будет всегда! – Игорь отнесся к ситуации более продуктивно. – Денди и спорт – понятия совместимые! – главный наш «денди» был снисходителен.

Известно, что даже лорд Байрон, автор Чайльд-Гарольда, не отвергал спорт и, несмотря на дефекты опорно-двигательного аппарата, переплыл, кажется, Ла-Манш. И брал призы!

Кажется, в гребле или в чем-то подобном. Значит, можно и нам. И мы позволили себе увлечься греблей, как это модно в Оксфорде, а также в Кембридже. Каждое утро мы гребли «английскую милю», отмеренную Игорьком, на широкоскулой санаторской лодке, в теплом круглом пруду, окруженном зарослями. Солнце слепило и сквозь них, но глазастый Игорек вдруг углядел что-то важное в темных кустах.

– Люби-имый! – вдруг заорал он.

«Экстаз, экстаз!» – это мы повторяли то и дело. «Затиснуть» родственника – это наш долг, для этого мы и приехали. «Люби-мый!» – раньше только мы с Игорьком так называли друг друга, но теперь кооптировали (одно из любимых Игорьковых слов) и Юру. Выбивая ногами солнечные брызги, Игорек первым добежал до берега, стиснул кузена в объятиях и начал трясти, как говорится, по полной программе. Юра смотрел через его плечо, растроганно и слегка сконфуженно – столь горячих эмоций он явно не ожидал, особенно после встречи на ВСХВ. Не ожидал, но надеялся – и был, видимо, счастлив. Был счастлив и я. «Он простил нас. Широкая волжская душа!» Впрочем – это мы так решили, и теперь хотелось бы в этом убедиться...

– А давай пригласим Юрка в ресторан! – вырвалось вдруг у меня, когда мы с Игорьком вернулись в палату передохнуть от родственных чувств, все еще нас переполнявших.

– А давай! – растрогался вдруг и Игорек.

Его искусственные эмоции переросли, видимо, в настоя-

щие. Это бывает.

– Можно, – расплылся в улыбке Юра, когда мы озвучили предложение.

И нас аж на «скорой» отвезли в Хвалынский (предлог – посещение домика, где вырос и возмужал наш кузен). Помню, поразила темнота в комнатах – ставни от жары. Потом мы зашли во вполне «аутентичное», по выражению Игорька, заведение. Запомнилась красивая изразцовая печь. Остальное – меньше.

Помню, мы стоим на пыльном солнечном перекрестке, и счастливый Юра кричит: «Братики вы мои!» – и бьет нас лбами, что было, несомненно, проявлением страстной братской любви... Потом была, видимо, «Скорая помощь».

Добившись признания, московский кузен наш заважничал, закапризничал:

– Где развлечения должного уровня? Где-то гуляет же здешний истеблишмент?

– Тут, вообще, в основном лечатся. И твое левое колено мне по-прежнему не нравится, – строго сказал Юра Игорьку.

Мы, конечно же, проходили процедуры и ванны.

– Лечиться я могу и в Москве, причем на высочайшем уровне, – брюзжал Игорек. – Где здесь приватная зона?! Где отдыхает истеблишмент? Ты, Юра, огорчаешь меня!

И, наконец, ради братика, Юра рассекретил страшную

тайну.

– Вон там, на горушке... есть истеблишмент. Один! – Он указал на сравнительно скромный домик.

– Это должно быть интеллектуальным лежбищем для нашего клана! Я вижу, что наш клан всемогущ! – торжествовал Игорек.

Я давно уже с интересом наблюдал, как время от времени к домику на горушке по хребту медленно тянулись черные «Волги». Почему же так медленно? Загадка эта требовала решения. Я даже предполагал, что это погребальные процессии. Крематорий? Вот туда бы как раз не хотелось. Но Юра, хоть и хмуро, пояснил, что там Эдем, райские наслаждения для узкого круга. Юра предупредил, что путь, ведущий туда, просматривается и даже простреливается. Не хватало нам только, после неудачного Коктебеля, вернуться «с родных угодий» с пулей в голове. Поэтому – поползли. Это, оказывается, не колючие кусты, а райские кущи. А дальше – Эдем. Сдвинув форточку, Юра просунул свою лохматую лапу, и вот крохотный золотой ключик – в мощной лапе дикаря. Дверь скрипела так долго, так медленно открывалась...

Душно и затхло. И темно – окна закрыты ставнями от солнца, как это повсюду на юге России.

– Ставни не открываем! Нас нет, – шептал Юрок.

Игорек понимающе кивал. Его, как ни странно, это устраивало. Приключение даже вызывало восторг.

– Вот так – скромно, за закрытыми ставнями, все и про-

исходит! – в упоении говорил он.

Что происходит? Что-то понятное лишь ему. Игорек вдруг дерзко открыл чуть покатый холодильник «Жигули», смело вынул бутылку, скovyрнул жестяную пробку. В хрустальном стакане (единственном бросающемся в глаза предмете роскоши) зашипело, забулькало, и даже у нас, стоящих чуть в отдалении, защипало в носу. Игорь пил медленно, закрыв глаза.

– Да! – Он, наконец, открыл очи – они сияли. – Да! Это настоящий нарзан.

Праздник! Правда – исключительно для него. Он страшно гордился этой своей причастностью к *ним*. Не к нам! При чем, *их* даже не видя. Меня же, наоборот, как-то не впечатляла эта роскошь. Но его – пьянила. Тяжелые бархатные темно-красные шторы на окнах, из той же ткани – скатерть на столе. И из той же ткани (не к столу будь сказано) – чехол на крышке унитаза. Все! Но Игорек, как ни странно, был этим покорен. Этот партийный лаконизм неожиданно пришелся по душе нашему «фанатическому приверженцу стиля». В самый раз!

– А ты как думал? – снобировал он меня. – Тут золотые висюльки повсюду?

Совершенно я этого не думал! Но и в этих объятиях «партийного бархата» я бы тоже лишнего часа не провел. Если бы не друг. Ему это было важно.

На мое предложение пригласить гетер из числа медсестер,

чтобы хоть как-то развеять похоронную атмосферу, он ответил холодным презрением.

– Я думаю, до таких пошлостей здесь никогда не доходит!

Но до чего же доходит-то? В результате, я, человек в глубине души агрессивно непьющий, предложил приносить хотя бы бутылки с собой, чтобы хоть как-то развеяться, на что Игорек снисходительно согласился – нопил сдержанно, надменно насмехаясь – видимо, над нами, не «кооптированными». Когда мы в очередной раз уносили тару с собой, я горько усмехнулся:

– Приемо-сдаточный пункт надо найти!

– А ты думал – он тут ТЕБЕ?

Что значит «МНЕ»! Я чувствовал себя глубоко оскорбленным: обвиняют в нарушении неведомой мне партийной эстетики, хотя партийным мне быть так и не довелось. А он, Игорек, чувствовал себя искусственным хозяином среди других искусственных. Теперь мог рассказывать везде: «Принимали нас на высшем уровне». Никогда я еще так не уставал – тем более, на отдыхе! Попали, можно сказать, в капкан. И капкан сработал! Не зря Юра так вздыхал. Ради братиков он готов был на все, но это, видимо, было за гранью всяческой осторожности. И однажды к нам постучали.

– Юрий Аляксеич! Сторож это! Надо уходить. Едут!

Меня поразило, как быстро и четко собрал все принесенное Игорек.

– Ошибок не делаем!

Как ни странно, необходимость уйти его нисколько не покорила. Партийная дисциплина!

– Вон кепочку не забудь! – сказал он мне с презрением высшего к низшему.

Поднялся человек!

– Будущий партаппаратчик! – определил Юра.

Но, к счастью, ошибся.

Потом мы сидели на скамеечке у фонтана и наблюдали, как по белому хребту медленно – ну почему же так медленно? – ползут черные «Волги». Подползли к домику. Такое впечатление, что никто даже не вышел. Партийный аскетизм?

– Эх! – простонал я. – Надо было им хотя бы пиво разбавить... чем-то натуральным! Чтобы пили и говорили: «Странное нынче пиво!»

Кстати, эта фраза стала потом одной из наших любимых. Но замысел в дело не воплотился. Произошло другое.

– Я, кажется, расческу в ванной забыл! – сказал Игорь, бледнея.

Юра крикнул. Брательник ради нас рисковал. И не столько собой, сколько должностью Нины Ивановны. Да-а... Принимают нас от души! Но Игорьку, чувствовал я, мы были в тот момент безразличны. Мучила его несостоятельность перед своими, которые нигде ничего не забывают. Помахивая ладонями перед его лицом, мы, наконец, вернули его к ре-

альности. А реальность, увы, оказалась сурова:

– Все, робя! Сматываемся! – деловито вошел в нашу палату Юра поутру. – Прокололись! Могут и в вуз сообщить, если вычислят. Ноги – в руки!

О том, что «тягали» и Нину Ивановну, он тогда не сообщил. Мы узнали об этом от него много позже.

Но я чувствовал что-то подобное и переживал. Игорек, наоборот, был спокойно-многозначителен и единственной промашкой считал лишь оставленную расческу. «Это больше, чем преступление: это ошибка!» – повторял он любимую фразу из Талейрана, причем – с упоением. Ему, в общем, все понравилось – даже партийная суровость. А я считаю – прокол. Приехали, называется, загладить вину... И вместо этого опять отличились. Блистательных негодяев, мне кажется, пора мочить. Но как?

– Ну что? По домам? – осведомился Игорьь.

– Какое «по домам»? – вскричал Юра. – А Волга?!

Взяв в Саратове моторку («У кого-то из представителей клана», – небрежно пояснил Игорек), мы помчались. Юра был за рулем, который (непривычно для нас, автомобилистов) располагался сзади.

Примерно через час полета сквозь ветер и волны мы причалили у высокого мыса и, намотав цепь вокруг огромного камня, взобрались на утес. Юрок, сам похожий на заросший мхом камень, встав над обрывом, смотрелся отлично.

– Это мой утес!

– Ты прямо как Степан Разин! – сделал я ему комплимент.

– Бери выше! – улыбнулся Юра. – Степан просто стоял.

А я тут строю.

– Где? – Игорек оживился.

Филимонковский домовладелец почуял собрата.

– Здесь!

Игорек был не только языкаст, но и рукаст. Свое родовое гнездо он уже перестраивал, и здесь они с Юрком, отстранив меня, буквально за полчаса сколотили крыльцо для будущего дома из валявшихся тут досок.

– Не обижайся, Валера! – приголубил меня Юрок, стоя на самодельном пьедестале. – Вот здесь, на самом верху, мы прибьем три доски – и это будем мы!

– Чтобы о нас ноги вытирали! – все еще переживал я.

– Только лишь самые достойные! – выкатил грудь Игорек.

И мы их прибили. И надписали.

– Теперь вы, братики, приколочены к Волге! – торжествовал Юрок.

Так началось наше освоение Волги. Появились жёны, потом дети, влились родственники, потом родственники родственников... но три брата-богатыря, три доски – были главной опорой.

ПРОХОД НА МАЛЫЙ ДЕМИДОВ

Но и в Москве жизнь не стояла на месте. Игорь Иванович, удачно женившись и мысленно объединив квартиру жены со своими хоромами, выменял шикарные апартаменты в центре, в Гороховой слободе, вблизи Курского вокзала. Правда, Наташа, его жена (умом и характером – царица), говорила, что все это сделала она. Значит, Игорю повезло дважды – и с квартирой, и с женой. Ну и правильно. Перед таким, как он, жизнь должна расстилаться, словно ковер!

Помню, как он встретил меня в первый раз «у паровоза» – молодой, красивый, веселый, уже обладающий квартирой, до которой от Ленинградского вокзала – двадцать минут пешком.

– Думаю, тебе это будет удобно! – сказал он.

И повел меня по узкой улочке над рельсами (слева наступали дома). Поезда проходили внизу, а мы, счастливые, летели поверху. Пахло клейкими почками. Тихие дворики с невзрачными домиками. Строение № 1. Строение № 2. Такое только в Москве!.. Сколько раз еще я ходил этим путем! Поднявшись от рельсов по лесенке, мы попадали в Историю, историю Москвы, которой Игорек тогда так увлекся. Жить в таком месте – и не увлечься им? Новая Басманная, Старая Басманная, купола церкви Никиты Мученика прямо под окном. Покатый Малый Демидов (как называл его он) – и вы-

сокий дом с их балконом на седьмом этаже.

– Вон! Задирай голову – наш балкон!

Самый большой дом на дряхлом Малом Демидовском.

– Кооператив для ответственных работников, – вскользь сообщил Игорек. – Середина двадцатых.

Квартира огромная, на три стороны. Один балкон, парадный, с витыми столбиками – перилами – на старую Москву, проткнутую сталинскими высотками, с семнадцатого по двадцатый век. Другой – у пожарной лестницы, уже негодной – в тихий московский дворик с кривыми тропинками среди травы. Не уходил бы – что с того балкона, что с этого.

И, при первой возможности – в Москву! Причина? Сама Москва. А повод? Литература – вот! Говорят, что в Москве большие возможности... Правильно говорят. Причина и повод – вещи меняющиеся: повод порой вырастает в причину, в дело жизни... а причина превращается в приятную обязанность: посетить родственников, когда ты в Москве. С самого раннего поезда (так специально задумывалось) я мчался к любимому кузену. Он уже бодрствовал, вставал на рассвете (особенность организма) и бродил по квартире, стараясь не разбудить жену. И тут – я!

– Люби-имый! – наш совместный крик, трясем друг друга, что есть сил.

И затворяемся с ним на кухне, озаренной солнцем, рядом с пожарной лестницей. «Давай, как-нибудь спустимся?» – «Давай!» Все – наше! Москва предо мной!

Делились маленькими тайнами (только самое невероятное в наших похождениях ценилось тогда), хохотали на кухне до семи утра, пока, потягиваясь, не выходила Наташа:

– О! А я сплю и вижу веселый сон, будто Валерка приехал. А ты – тут!

– Кофе? – предлагает Игорек (до этого, надо признать, мы хохотали с ним на голодный желудок).

Игорек делал из яиц с майонезом закуску «Маккаллерс». Откуда? Это даже не обсуждалось! От Игоря Иваныча! Без комментариев.

– Блинчики по-пьемонтски!

А откуда ж еще? Муниципалитет Пьемонта, я думаю, горячо бы одобрил. И вслед за ним – мы.

Потом мы выходили в Москву и шли пешком к нему на работу – он признавал исключительно пеший путь, силы играли. Тихое летнее утро, из палисадников перед домиками выползали на тротуар, как змеи, черные струи воды после полива и постепенно замедлялись, мутнели в чехле пыли, как нога в чулке.

Выходили к обрыву над Яузой, шли вдоль нее, Игорек в упоении комментировал путь.

– Мотя! Мотя! Ты гений! – трясся перед лицом ладонями, дико вопил он.

Мотей он фамильярно называл московского архитектора Матвея Казакова, признанного мастера московского барок-

ко. Перед церковью по его проекту (на мой взгляд, довольно скромной по сравнению с нашими) мы стояли долго, словно специально пришли сюда. И восторг зашкаливал. А работа?

– Не опоздаем? – осторожно спрашивал я.

– Мотя! – Игорек не мог оторваться от созерцания чуда.

Уже слезы стояли у него на глазах! Не слишком ли он увлекается стариной, будучи «технократом»? Нет. И вот мы шли вдоль огромных казенных зданий, с одинаковыми оконцами, одинаково освещенными.

– Ну, это тут... туполевские конюшни! – тоном посвященного и слегка даже утомленного однообразием будней произносил он и кидал вслед небрежно: – Работают на нас.

– Сам Туполев тут? – почтительно спрашивал я.

– Ммм... не думаю. Тут... его сатрапы, – определял он. – Академики и прочая мелочь.

Чувствуется, не хотел он останавливаться тут... Рано! Тащило вперед.

– Ну а тут, – он показывал на огромные дома, – рядовые сотрудники этих конюшен. Конюхи... его самолетов.

Пройдя «туполевский городок», мы входили в Лефортово, в Лефортовский парк. Вот на этих прудах Петр запускал первые корабли и мечтал доплыть до Санкт-Петербурга, как излагал Игорек... хотя Санкт-Петербург в это время мог существовать только в сознании Петра, ну и вот – Игорька, когда он воспарял над реальностью.

Мы входили в Семеновскую слободу, где набирался Семе-

новский полк. Названия улиц были тут удивительные, и мой Вергилий, конечно же, знал их наизусть.

После того, как он столь высокомерно отзывался о туполевских конюшнях, можно было надеяться, что мы подойдем сейчас к настоящему Дворцу Авиации, венчающему наш упоительный путь. В реальности же на какой-то «второстепенной», как бы назвал ее сам Игорек, улочке, даже не с историческим, а современным пошлым названием, Игорек подходил к дверке с «вертушкой» за ней и «ввертывался» – я страстно за ним следил! – опускался по лесенке вниз, в грохочущее помещение с исходящей оттуда волной запаха горячего машинного масла. Что может делать там мой блистательный кузен? Он оправдывался, что лишь проходил через цех во двор, в Новый Корпус. Я даже боялся представить его кабинет.

Обратно я тоже шел пешком, разглядывая дома. Вот в этом бы красивом доме работать Игорьку! Но, увы, уже настали времена, когда не все наши желания исполняются.

Зато его дом в Малом Демидовском переулке расцветал. Стал фактически штаб-квартирой нашего клана. Подтянулись сюда и моя веселая сестра Оля, вышедшая замуж за серьезного и положительного москвича Гену, и саратовцы – Юра с женой Майей, с их амбициями они имели уже дела в Москве. Но в доме на Демидовском о делах забывали – тут мы отрывались. И тамадой, конечно же, был неумолкающий Игорек с горящими глазами – без него и градус не тот. Бацал

на фанке – только быстрые танцы. А расставались – медленно, и еще долго звенели веселые голоса на лестнице. А потом – даже с улицы доносились.

Я же, поскольку обрел здесь дивное лежбище для серьезных дел в Москве, оставался ночевать. И этот уже спокойный переход ко сну после бурного праздника – еще одно из подаренных Москвою блаженств. Помню, мы с Наташей сидели в гостиной, смотрели телевизор без звука, чтобы не утомлял, и вдруг она подняла палец:

– Слышишь? Игорек! Моет грязную посуду и поет! Счастливый человек.

Клан стал главным его делом, возведенным в культ, требующим постоянного внимания и постоянных вливаний в самом широком смысле этого слова. Но нельзя же все время быть вместе – иначе не сделаешь ничего, что ты должен сделать сам, в одиночестве. Я старался ему это внушить, когда он, бывая в Ленинграде, разносил меня за индивидуализм, «эмоциональную тупость» и даже порой за нежелание выпить.

– Ты предаешь клан! Он требует служения! Ты пропустил двенадцать наших сборищ на острове!

– Слушай! Ты поражаешь меня. С одной стороны, ты требуешь непрерывного служения семейным ценностям...

– Да! – Тут он для убедительности даже вытаращил глаза – одна из его многочисленных гримас, за которые все его

обожали: человек со страстями!

– И одновременно непрерывно требуешь каких-то чудовищных наслаждений! От меня же.

– Да! – произнес он, правда, уже с ноткой удивления.

Конечно, семейные дела, да и карьерные, несколько сжали тот «диапазон свободы», которым мы прежде наслаждались – пусть даже не используя его на всю катушку, но ощущая его. Теперь и в Москве особо не разгуляешься! Семейные ценности в рамках клана.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЛЕЖБИЩА

Отдушиной для Игорька стал Питер – вот где он позволял себе раскрыться, и где его действительно обожали – и он упивался интеллектуальной своей мощью. Конечно, неделю можно пораскрываться, если здесь нет твоей семьи! Свободные художники, с которыми я его свел, тоже были «магистры философии» и, подогреваясь спиртным, могли вещать до утра – Игорек наслаждался. Тут-то он был бесшабашен. Тут-то ему не надо было спешить домой к вечернему телевизору, как мне. «Без ограничений!» – бросал Игорек, когда я пытался его урезонить и вытащить из очередного философского спора, граничащего с пьянством. Потом он уезжал в Москву, тоскуя о Питере, и Питер тосковал по нему. Любимые собеседники-собутыльники обожали его и ждали: «Когда же придет Себастьян?» Тут он был Себастьяном, жгу-

чим, бесшабашным южанином, ведущим свое родословие от крестьянских предков с юга страны. Для такой солнечной личности придумали имя, не помню кто, но псевдоним врос и с вместе с его носителем переехал в Москву.

Однако настоящим Себастьяном он был у нас – в Ленинграде он был свободен, и все его жизнелюбие изливалось тут. Чемпион жизнерадостности – он был нарасхват, и когда мои силы кончались, я увиливал и отлеживался, – он блистал. Мастерские лучших художников с видом то на питерские крыши, то на туманную Мойку или узкую Карповку были его «интеллектуальными лежбищами», «полигонами свободы» – он придумывал им названия, утоляя свою страсть к словотворчеству. Утомленный «роскошью общения», он возвращался – порой через несколько дней – в мою, фактически, монашескую келью (я жил тогда в Купчине) и корил меня:

– Почему ты не общаешься с Виктором? Я тоже поначалу думал о нем – так, богема. А это – такая бездна, такая глубина! – Он восторженно таращил глаза, тряс руками. – Мы всю ночь говорили с ним обо всем! Порой даже выпивать забывали! – счастливый, хохотал он.

Виктора я уважал. Но жить его жизнью – значило вдребезги раздолбать свою. Лишь дистанция сохранит нас.

– Ты сухой человек! Он обижается на тебя! – Игорек чувствовал себя уже более близким с гениями, чем я, и ответственным за наши взаимоотношения и вообще за нашу твор-

ческую жизнь, в которой, как он полагал, не хватало страсти, и он ее добавлял, подогревая нас.

– Ты слишком горяч, – говорил ему я.

«Так недалеко и до белой горячки!» – этого я, разумеется, вслух не произносил.

– Виктор жалуется, что ты разговариваешь с ним лишь междометиями!

– Так и он со мной! На праздные разглагольствования время есть...

«Только у командированных!» – хотелось добавить обидные для Игорька слова, но я, ясное дело, воздерживался – он же мой друг и брат!

– ...только у философов! – так заканчивал я.

– Вопросы жизни и смерти ты считаешь праздными? – все равно обижался Игорек и даже бледнел.

Во, как его завело!

– Ладно, поедем к Виктору, – сдавался я.

– Но ты опять, как в прошлый раз, слиняешь через час?

Требует безоговорочного служения!

– Все! Я ваш!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.